

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ЦЕРКОВНОГО НАДЗОРА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВЕКА

В статье рассматривается организация церковного надзора в период секуляризационной реформы начала XVIII в. Изменение государственной политики в отношении Церкви привело к изменению правового статуса православной церкви и возложению на нее новых полицейско-надзорных функций. Государство пыталось перенести светские принципы на церковную правовую сферу, что приводило к правовым коллизиям и обострению государственно-церковных отношений.

Церковный надзор, принципы осуществления контроля, надзорные органы церкви и государства, церковная юрисдикция, полицейское государство, служба инквизиторов, духовные фискалы, перекрестный контроль.

The article considers the organization of the church supervision in the period of secularization reforms of the beginning of the XVIIIth century. The government policy changes in relation to the church led to the changes in the legal status of the Orthodox Church and its new police and supervision functions. The state tried to transfer secular principles of the Church's legal sphere, which led to the right collisions and exacerbation of relations between the Church and state.

Church supervision, principles of control, supervisory authorities of Church and state, Church jurisdiction, police state, office of the inquisitors, spiritual Fiscals, cross check.

Существовавшая в России система церковного права предполагала создание соответствующих органов надзора за исполнением принятых канонических установлений. Длительное время надзорные функции Церкви осуществляли традиционные судебные институты: приходские священники, настоятели, митрополиты (епископы), церковные соборы. Церковный контроль являлся своеобразной формой социальной регуляции, посредством которого выявлялись наиболее болезненные точки общества и предотвращалась его «социальная анемия» [2, с. 294]. Неслучайно современные гуманитарные науки пытаются осмыслить проблему анемии и контроля с позиции социального прогресса [12]. По Дюркгейму, религиозный контроль закрепляется прежде всего в культовой практике, посредством которой укрепляется вера и «чувство социальной солидарности», тогда как государственный контроль носит в большей степени фискальный, формально-принудительный характер. В тоже время он подчеркивал, что оценивать влияние религиозного фактора можно только с позиции конкретно-исторического подхода в силу того, что религиозное наполнение общественного сознания постоянно менялось, соответственно, менялось и отношение общества и государства к религии [3]. Именно сочетание различных форм социального контроля придавало обществу стабильность и устойчивость. Но именно религию Дюркгейм признавал фундаментальным универсальным институтом человечества.

Эффективность религиозного контроля обеспечивалась прежде всего высоким религиозным чувством самого общества. Вера в Бога не только объединяла общество, но и способствовала созданию особых канонических установлений, с помощью которых регулировались отношения внутри социума, создавались новые представления и правила. Даже в период нового времени человеческое общество длительное время оставалось избыточно религиозным. Проявлением крайней формы религиозного контроля

была средневековая инквизиция со всеми атрибутами пыточных средств, преследованием инакомыслия, которая фактически препятствовала общественному развитию. Бурные социально-экономические процессы заставили пересмотреть представления о религии в пользу светского государства. Российское же общество длительное время находилось в условиях несекулярного сознания, поэтому роль религиозного фактора здесь была значительно выше.

С появлением в России регулярного государства (начало XVIII в.) усиливается потребность в разграничении функций контроля на основе единых унифицированных требований. В качестве образца стали выступать светские принципы права для судебно-надзорных органов РПЦ: единовременность (взаимодействие различных ведомств), справедливость, беспристрастность [1, с. 11–16]. Тем самым закреплялся юридический деизм как для церковных, так и для светских судебно-административных органов: с одной стороны явно усиливалась роль светской власти, с другой – церковная власть сохранила относительную автономию, подчеркивалось первенство Божественного суда, а преступления против Церкви стояли на первом месте в уголовном законодательстве.

В орбиту надзора стали входить все социальные группы духовенства, включая членов духовного правительств. Подтверждалось право церковного клира (включая рядовой состав – причетников) ходатайствовать пред Синодом о возбуждении следствия и суда над своим епископом [1, с. 46] и одновременно запрещалось обращаться с жалобами в другие инстанции [6, № 496]. Фактически церковный надзор носил многосторонний, перекрестный характер: одновременно друг за другом следили и церковная власть (местная и центральная) и рядовое духовенство. На деле это выражалось в том, что церковные инстанции могли инициировать следствие в отношении местных государственных служащих по различным злоупотреблениям. Подчеркнем, что подобные

вопросы не относились к юрисдикции Церкви, но общественное положение и авторитет отдельных духовных лиц делали возможным выступать «социальным щитом» в борьбе с несправедливостью. Расхожее мнение о том, что Церковь в подобных делах всегда преследовала свои интересы, несколько искажает фактическое положение. Обращение к делопроизводственной переписке между Святейшим Правительственным Синодом и местными епархиальными органами свидетельствует о том, что именно последние пытались защитить местное население от произвола чиновников.

30 января 1722 г. в Синоде была рассмотрена жалоба архимандрита Ипатского монастыря Гавриила на рентмейстера Каблукова, который незаконно «посадил на цепь и держал под караулом в железе» несколько крестьян. Архимандрит первоначально обратился к местному стольнику, который допросил Каблукова. Выяснилось, что тот незаконно «собирал с крестьян деньги, рукавицы, шапки и чинил им многие убытки». Требование провинциального воеводы об освобождении было проигнорировано. Тогда архимандрит написал доношение в Синод, в котором просил провести расследование [6, № 388].

В этот же день была рассмотрена жалоба бывшего митрополита Федора на самоуправство представителей местных гражданских властей, в котором те обвинялись в похищении женщин, «прижитии незаконных детей», попустительстве «открытого блуда воинов», несоблюдении правил христианской веры [6, № 389].

Вместе с тем, главная претензия Федора состояла в том, что гражданские власти вмешивались в духовные дела, поэтому он просил духовное правительство оградить его от внешнего вмешательства. Последний пример показателен тем, что дает возможность увидеть мотивы и установки церковного надзора. Разумеется, архимандрит в последней жалобе отстаивал и экономические интересы собственного монастыря, однако, они «тонули» среди других многочисленных претензий, подтверждавших всеобщее недовольство населения.

Публично объявленный принцип контроля разрешал и населению жаловаться на злоупотребления местной церковной власти. В мае 1722 г. в Синод поступила жалоба от дворцовых крестьян на неправильное, по их мнению, межевание земли, произведенное церковным писцом Еропкиным, а также волоките дел в суде и криминальных преступлениях, производство которых по непонятным причинам было прекращено. Крестьяне просили прислать грамотного судью для разрешения возникающих споров, что позже было удовлетворено [6, № 640].

В дальнейшем право подачи жалобы в Синод гражданским лицом было прекращено. Соответствующее правило было перенесено из светского процессуального законодательства, где высшей надзорной инстанцией выступал Сенат. Но на практике все было гораздо сложнее. Во-первых, у государства в этот период уже существовали многочисленные надзорные органы. Помимо прокуратуры, созданной в

1722 г., надзорные функции одновременно выполняли и следственные учреждения (Преображенский приказ (1686–1729)¹, тайная канцелярия (1718–1726), канцелярия тайных и розыскных дел (1731–1762), тайная экспедиция (1762–1801) [13]. Они занимались расследованием политических, государственных преступлений и обладали широкими полномочиями. Любой заявитель при произнесении вслух «слова и дела» автоматически давал начало новому следственному делу. Если обнаруживалось, что обвинение носит исключительно криминальный характер, материалы по нему передавали в Юстиц-коллегию или в другие учреждения по назначению. Разумеется, у РПЦ центрально-надзорных органов в таком объеме не было. Формально право сбора жалоб имела служба духовных инквизиторов и обер-прокурор Святейшего Синода. Полномочия последнего были достаточно узкими и в большей степени касались проверки исполнения Синодом указов императора. В таких условиях возможности подать жалобу гражданским лицом на злоупотребления духовной власти были очень ограничены. Кроме того, Церковь, сохраняя корпоративную солидарность, особо не была заинтересована в придании публичной огласке фактов различных правонарушений, так как они наносили серьезный удар по ее имиджу.

Во-вторых, надзорные функции носили совмещенный характер со следствием и даже с судом. Синод также как и епархиальный архиерей могли проверить исполнение принимаемого ими решения, инициировать следствие по случаю выявленных фактов, вынести судебное решение. Формальные ограничения касались лишь субъектов надзора и судебного преследования. Непосредственный и полный контроль РПЦ осуществляла над духовенством. При подозрении лица духовного звания в совершении уголовного преступления расследование осуществлялось совместными силами. Духовные депутаты, назначенные или архиереем или Синодом, входили в состав следственных комиссий и присутствовали на всех этапах дознания.

При более тяжком обвинении (например, причастность к государственному преступлению, оскорбление императора или членов его семьи) духовное лицо отсылалось под охраной в Преображенский приказ или Тайную канцелярию, а само следствие закрытый характер без участия представителей Церкви. На первоначальном этапе, как правило, производился допрос под страхом применения пытки. Одновременно рассматривались показания доносчика, свидетелей и показания самого обвиняемого. Если подозрение усиливалось заpiresательством, обви-

¹ Формулировка приказа на протяжении его существования неоднократно менялась. В 1702 г. Преображенский приказ был переименован в «Съезжую избу в Преображенском» и «Генеральный двор в Преображенском» с расширением следственных полномочий. В 1726 г. появилось новое название «Преображенская канцелярия», сохранившееся до 1729 г. Общим между ними было сохранение в названии «Преображенского», подчеркивавшему место расположения этого следственного органа.

няемого направляли в Синод для снятия священнического сана, после чего по отношению к нему применяли пытку [9, № 1936]. Постановления Синода на этот счет были предельно лаконичными. Например, решение о снятии сана с игумена Овсянникова и дьякона Чурина для «учинения розыска над ними» ограничивалось несколькими предложениями, при этом детали обвинения не раскрывались вообще [7, № 1150]. По окончании следствия в Синод направлялось уведомление о результатах «расспроса». В иных случаях (например, когда обвинения не подтверждались, или обнаруживался незначительный характер вины) подозреваемого направляли в Синод для вынесения окончательного решения по определению его дальнейшей судьбы.

Надзор за мирянами был ограничен несколькими направлениями:

1) соблюдение правил христианской веры, что подтверждалось посещением церкви, выполнением христианских обязанностей (почитание святых, участие в религиозных праздниках) [6, № 453];

2) принятие православного учения, доказательством чего являлось обязательное присутствие на исповеди у местного священника, а также публичное осуждение раскола и сектантства;

3) соблюдение правил семейного общежития, что подтверждалось крещением детей в православной церкви по православному обряду, отсутствием фактов прелюбодеяния, соблюдением обряда венчания, отсутствием препятствий для вступления в брак (возраст, здоровье, принуждение, конфессиональная принадлежность и др.) [4].

Все эти вопросы входили в зону церковного надзора за поведением населения. Проверке в этом случае подвергались все участники социальных отношений. Например, каноническую оценку получали и действия священника, который произвел незаконное венчание и действия брачующих [10, № 2230]. Помимо того, что брак признавался незаконным, каждая сторона подвергалась церковным санкциям, если иное не было предусмотрено светским законодательством. Санкции в отношении священнослужителей были значительно жестче, что объяснялось нарушением ими не только христианских правил, но и профессиональных обязанностей.

В остальных случаях, если при проверке обнаруживался криминальный состав, следствие передавалось гражданским властям. В частности, дела по обвинению матерей в убийстве «блудно ими прижитых младенцев» рассматривались не в Святейшем Синоде, а Юстиц-коллегии [6, № 476].

В соответствии с Духовным Регламентом (1721 г., часть II) общий церковный надзор осуществлялся в двух направлениях:

1. Соблюдение «христианских законов» духовными и светскими лицами (правильность исполнения молитв, проверка текстов религиозных книг, соблюдение церковного устава и др.). Сюда входили и «розыск вымыслов, которые человека в недобрую практику ведут» (*т.е. суеверий – свое*) и выявление «не-

потребных или вредных церемоний» (*т.е. языческих традиций – свое*).

2. Выполнение служебных обязанностей духовными чинами. Усиливалась ответственность клира за различные дисциплинарные нарушения. При этом назначение наказания являлось воплощением внешней функции Церкви. Более важной считалось внутренняя функция – обращение человека к признанию собственного греха через покаяние, поэтому раскаивающийся достоин милосердия и снисхождения. Этот важнейший императив являлся не просто отличительной чертой церковного наказания, но и являлся ключевым моментом для понимания православно-го учения о принудительных санкциях.

В действительности модернизация органов надзора протекала достаточно хаотично, без определенной программы действий. Во-первых, церковный надзор осуществляли шесть церковных ведомств по определенным направлениям деятельности [6, № 693]. Наиболее широкой компетенцией обладал Духовный приказ, ведению которого относился большой спектр преступлений: от богохульства и раскольников до регистрации незаконных браков и дисциплинарных нарушений клира. Он же рассматривал доносы инквизиторов в отношении обывателей и апелляции на решения местных церковно-судебных инстанций. Казенный приказ РПЦ следил за правильностью рукоположения и сбором церковных податей. Монастырский приказ рассматривал судебные тяжбы между крестьянами и церковнослужителями, принимал жалобы от населения, руководил деятельностью синодальных команд по сбору недоимок, беглых крестьян, следил за отправкой в монастыри отставных военных. Дворцовый приказ осуществлял охрану церковных земель, а также суд и расправу между крестьянами и бобылями синодальных вотчин. Приказ церковных дел производил надзор за благочинием священнослужителей и поиск раскольников. Приказ инквизиторских дел осуществлял негласный контроль за духовенством, выявлял потенциальные преступления, давал ход следственным действиям.

Таким образом, существовало дублирование надзорных функций различными церковными ведомствами: выявлением раскольников и дисциплинарных нарушений занимались три ведомства (духовный, церковный, инквизиторский приказы), а расследование экономических нарушений возлагались на казенный, монастырский, инквизиторский приказы. В дальнейшем неоднократно предпринимались попытки усовершенствования надзорных функций, но взаимодублирование по-прежнему сохранялось, что в итоге вело к росту церковной бюрократии и мешало полноценно выполнять возложенные функции в соответствии с каноническими установками.

Во-вторых, созданная при Синоде фискальная служба по духу была ближе к государственным карательно-надзорным органам. С XVIII в. Православная церковь была наделена полицейскими функциями надзора за клиром и мирянами. Духовные фискалы осуществляли слежку за подданными в части со-

блюдения ими церковного устава, несения церковных повинностей, выполнения внутрицерковных служебных обязанностей. Распоряжением Синода в каждой епархии вводилась должность протоинквизитора, приравненная к государственной должности обер-фискала [6, № 526]. Протоинквизитор на основании изданной Сенатом инструкции находился в тесном взаимодействии обер-полицмейстером по выявлению «шатающихся подозрительных лиц духовного звания» [7, № 995]. Полицейскими функциями наделялась и Тиунская контора Синода, имевшая право подвергать административному аресту «бродячих священников, монахов» и лиц, осуществлявших незаконную продажу свеч [8, № 1456].

Одновременно законодательно закреплялось поощрение доносов, усиливалась уголовная ответственность за укрывательство нарушителей. Например, лицо, сообщившее о скрывающемся от государственного смотря дворянине патриарших и архиерейских земель в качестве вознаграждения получало половину его движимого и недвижимого имущества [6, № 351]. Лица же, содействующие укрывательству колодников, стали приравниваться к государственным преступникам [6, № 532, п. 6]. Провинциальный инквизитор контролировал прохождение прихожанами исповеди с правом подвергать административному наказанию за неявку [6, № 972]. Деятельность инквизиторов была регламентирована специальными инструкциями, которые обязывали органы местной власти оказывать им всяческую поддержку в выявлении и поимке раскольников. В 1725 г. протоинквизитором Пафнутием была составлена ведомость о 1068 выявленных раскольниках по различным социальным показателям: сословному составу, административной принадлежности, делению по городами [2, № 1399].

Несмотря на то, что духовные фискалы назначались из проверенных лиц духовного звания, среди них были те, которые не только злоупотребляли служебным положением, но и дискредитировали церковь в глазах общества по причине громких судебных дел [8, № 1459], [9, № 1935, 1936].

К объектам церковного надзора относились различные церковные чины и должности. Формирование их правового статуса шло по пути расширения ограничений и запретов. Надзорные органы должны были выявлять их нарушения и давать им юридическую оценку. В частности для монахов обозначалось восемь ограничений при приеме в монашеское звание и одиннадцать к их внутреннему общежитию. Надзорной инстанцией в данном случае выступал настоятель и епископ. Помимо традиционных ограничений, берущих начало еще от византийского пра-

ва, вводились новые запреты, которые были санкционированы государством и предусматривали суровые формы наказания. Например, бегство из монастыря приравнялось к преступлению, за что предусматривалось пожизненное заключение в монастыре в железных оковах [6, № 596, п. 52].

Таким образом, в России с XVIII в. стала складываться система церковного надзора за клиром и мирянами на основе светских принципов. Она была направлена на совершенствование системы контроля за обществом, что было продиктовано интересами полицейского государства. Расширение ограничений и запретов в деятельности вступало в противоречие с традиционными христианскими ценностями, базировавшимися на идее искупления и покаяния. РПЦ постепенно была интегрирована в государственный механизм всеобщего контроля, а церковный надзор являлся лишь его составной частью.

Источники и литература

1. Духовный Регламент Всеподданнейшего, Государственного Государя Петра I, императора и самодержца всероссийского. – М., 1904.
2. Дюркгейм, Э. Самоубийство. Социологический этюд / Изд. подгот. В.А. Луковым / Э. Дюркгейм. – СПб., 1998.
3. Дюркгейм, Э. Элементарные формы религиозной жизни / Э. Дюркгейм. – 1998. – URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/durkgeym_elementarnie/ (дата обращения: 28.09.2014 г.).
4. Павлушков, А.Р. Правовое регулирование семейно-брачных отношений до начала XX в. / А.Р. Павлушков // Актуальные проблемы гуманитарного познания: Сборник научных трудов кафедр философии и истории русского и иностранных языков. Вып. 1. – Вологда, 2004. – С. 118–133.
5. Полное Собрание постановлений и распоряжений Синода по ведомству Православного вероисповедания Российской империи (ПСПиР) Т. 1. – СПб., 1879.
6. ПСПиР. Т. 2. – СПб., 1872.
7. ПСПиР. Т. 3. – СПб., 1875.
8. ПСПиР. Т. 4. – СПб., 1876.
9. ПСПиР. Т. 5. – СПб., 1881.
10. ПСПиР. Т. 6. – СПб., 1889.
11. Прибавления к Духовному Регламенту. 1722 / ПСПРС. – Т. 2. – № 596.
12. Никонов, А.В. Социально-философские аспекты адаптации в аномическом обществе / А.В. Никонов. – М., 2006. – URL: <http://tululu.org/sam/doc/157226/> (дата обращения: 28.09.2014 г.).
13. Н.М.В. Тайная канцелярия в царствование Петра I. Очерки и рассказы по подлинным делам // Русская старина. – 1885. – Т. 47. – № 8. – С. 185–208; № 9. – С. 347–364; Т. 48. – № 10. – С. 1–16; (1700–1720-е гг.). – URL: http://www.memoirs.ru/rarhtml/1529NMV_RS85.htm (дата обращения: 29.09.2014).